

Женитьба и отъезд Добрыни и неудавшаяся женитьба Алеши Поповича

Да прежде Казань да слободой слыла —
Да нонче Казань да словёт городом.
Да во том-де городе славном Киеви
Иш[е] жил тут Микитушка, не старилсэ,
А не старилсэ Микитушка — представилсэ.
Оставалась у Микитушки любима-та семья,
А любима-де семья у его — да молода-та жона,
Молодая жена да чадо милоё,
По прозваньицю это чадо Добрынюша Микитич млад.
Оставалсе Добрынюша малолеточком.
Да как стал же он, Добрынюша, на возрости —
Да как три годы, Добрынюша, он ключничал,
Да три годы, Добрынюша, он блюшничал,
Да три годы, Добрынюша, да он чашничал.
Да тогда же Добрынюша как женицсэ стал,
Ише стал-де Добрынюша да стал на возрости,
Ише брал-де Добрыня Настасью-королев[ис]ьню в замужесьво.
Да тогда ле Добрынюша гулять пошол,
Да оставил молоду жону Настасью-королевисьню;
Да как сам он из речей начал выговаривать,
Ише стал он из речей крепко наказывать:
«Проживи-ко ты, Настасья-королевисьня, перва-та петь лет,
Проживи-ко ты, Настасьюшка, втора-та петь лет,
Проживи-ко ты, Настасьюшка, третья-та петь лет —
Дак тогда ли, Настасьюшка, — живого нет...
А тогда ли, Настасья, — да хошь замуж поди,
И тогда ли, Настасья, — хошь вдовой сиди.
Да ведь будут на тебе да женихи-ти сватацьсе,
Ише будут женихи да низко кланецьсе:
Ише князя-бояра, сильни-могучи богатыри
Ише будут ведь сватацьсе да низко кланяцьсе;
Да купьци ле — гости станут сватацьсе торговья,
Ише все ле кресьянушка прожитосьни,

За кого ты нонь хошь, за того пойдёшь.
За одного не ходи только — за Олёшеньку!»
Прожила-де Настасьюшка перва-та петь лет,
Прожила-де Настасьюшка дак ведь втора-та петь лет,
Прожила-де Настасьюшка третья-та петь лет;
На шеснаццатое нонь лето ноньче выступило[а] —
Да тогда ле Добрынюшки живого-то нет.
Ише стали на Настасьи женихи-ти сватацьсэ,
Ише стали женихи-де низко кланецьсе.
Ише стали женихи сватацьсе: купьця-гости торговые,
Ише те ле кресьянушка прожитосьны —
Не за кого-де Настасья не йдёт в замужесьво.
Ише стал-де Олёшенька нонь сватацьсе.
Не за кого-де она не пошла в замужесьво,
А пошла-де она за Олёшу за Поповиця —
Запоручила она свою да буйну голову,
И дала ле она свою да руку правую.
А спроводила ей свёкровка, матушка богосужона,
Спроводила к веньцю невестушку богосужону
И садилась на лавоцьку на брусьцятую.
Да как села под косесьцято да окошечко,
Да стала везде смотреть в окошечко —
Да ведь стала она да слезно плакати.
Во слезах-то сидит, сама выговарыват:
«Да не стало у мя дитятка родимого,
А не стало невески да богосужоной —
Ише некому миня стало поить-кормить!
У мя резвы ножечки приходилисе,
Да у мя белы-ти ручушки примахалисе,
Очи ясны у мя да пригледелисе —
Ише некому миня стало поить-кормить,
Ише некому меня стало обувать-одевать!»
Да згленула на улоньку широкою:
Вдруг идёт полениця по улици широкое,
Да идёт ведь полениця да долгополая.
Да подходит полениця да к широку-ту двору —
Да к широкому двору да ко красну крыльчу,
Ко красну-де крыльчу поленича дол[г]ополая.
Да заходит поленича да на красно крыльчэ,

Да берецьсе поленича да за вито-то кольчэ,
Отпирэёт вурота да нонь широкия,
Да заходит полениця да во светлу-ту грыню,
Да ставаёт полениця да против матици:
«Уж ты здрастуй, причесна вдова Омельфа Тимофеевна!
Уж ты, где же твоя невестушка богосужона?
Она в пир ле ушла или в веселу беседушку да уехала?..»
Отвечала пречесна вдова Омельфа да Тимофеевна:
«А не на пир ёна ушла, не на беседушку, —
Да ушла-де, уехала в замужесьво». —
«За кого же ушла да уехала?» —
«Да ушла-де, уехала за Олешеньку за Поповича!»
Ише тут у поленици смутились очи ясныя,
Ише тут поленици да за беду-ту пришло,
За велику досаду да показалосе:
«Уж ты ой еси, пречесна Омельфа да Тимофеевна!
Ише дай-ко мне, пожалуй да звоньчаты гусли,
Да пойду ле я к Олешеньки на свадёбку!»
Ише тут пречесна вдова Омельфа да наговариват:
«Уж ты ой еси, чадо, да чадо милоё!
Не ходи ты к Олешеньки на свадёбку:
У Олешеньки на свадёбки люди злы таки,
У ворот-то приворотники-то были зле того,
А середи-то двора да караульшики,
И у тугих-то дверей были придверьнички —
Без доклада не пускают к Олешеньки на свадёбку!» —
«Да родима моя маменька,
Пречесна вдова Омельфа да Тимофеевна!
И даёшь мне благословленьчэ — ишше я пойду,
И не даёшь мне благословленьиця — ище я пойду!»
И дала ему маменька родимая,
И дала ему матёнка благословленьицэ —
Да средилсе каликой перехожою.
И берёт-де калика да золоты деньги,
И берёт-де калика да звоньчаты гусли,
Да берёт-де калика звоньчаты гусли под праву полу,
Да приходит калика к Олешеньки на свадёбку.
Да подходит нонь калика да ко красну крыльчу,
А заходит калика да на лисвёнку брусъцятую,

Да берецьсэ калика да за вито кольчэ
Да тельчйт-бренчит да у колечушка —
И не пускают калики да перехожой.
А как вымала калика да золоты-то деньги,
Даваёт калика да золоты деньги,
И даваёт калика да при[д]ворничкам —
Пропускают калику да середи-то двора.
А середи-то двора стоят караульшички —
Не пускают тут калику да середи-то двора.
Да вымаёт калика да золоты-то деньги,
А даваёт да калика да караульшичкам —
Пропускают калику да до тугих дверей.
Не пускают калику да нонь придверьнички.
Ты вымала калика да золоты-то деньги,
И давала калика да золоты-то деньги —
И пропускали калику да середи-то грыни.
Да ставаёт, проходит калика да середи-то грыни,
Середи-то грыни стават против матицы —
Она крест-от кладёт, калика, по-писаному,
Она поклон-от ведёт да по-учоному:
Во-первых, поклоняицсэ князю Владимиру.
А все у Олешёньки да люди злы таки.
Доложиласе калика да перехожая,
Доложилась калика у князя первобрачного,
Да спросилась у его поиграть в звоньчаты гусли —
Да тогда присудили калики
Поиграть ноньче в звоньчаты гусли.
Заиграла калика да звоньчаты гусли —
Ише вси у Олешеньки на свадёбки,
Ише все же на свадьбы да при(й)ослушались;
А Опраксия-кнегина да приросплакалась,
А сама она из речей выговарыват:
«После Добрынюшки Никитича
Етих игор да мы не слыхивали!»
Да наливали тут чарочку зелена вина,
Подавали калики да перехожой.
Тут примала калика да единой рукой —
Выпивала калика да к едину-ту духу
(Не велика эта чарочка — равно да полведра она!)

Да как нонече заиграла калика в звоньчаты гусли —
Заиграла калика да лучше старого,
Лучше старого калика, да лучше прежнего.
Наливали ведь чарочку (ише цело ведро!) —
Подают калики да перехожэнькой.
<О>на примаёт, калика, единой рукой,
Выпиваёт калика к единому духу —
Заиграла калика да лучше старого,
Лучше старого заиграла, да лучше прежнего.
Да у Олешеньки на свадьбу все ослушались,
Да Опраксея-кнегина приосплакалась.
Первую чарочку подал нонече да ведь тысячкой,
Да вторую-то чарочку подал молодой нонь князь.
А наливали ведь чарочку во третьей након —
Ише дали подать кнегины да второбрачное.
А-й подавала кнегина калики перехожэной.
А примала калика да единой рукой
(Да не мала, не велика чарочка — полтара-та ведра!),
Да примала калика да единой рукой,
Выпивала калика чару к единому духу;
Да спускала калика чарочку злачен-то перстень,
Подавала кнегины да второбрачной же.
А примала кнегина да чару зелена-то вина
Да вымала из чарочки злачен перстень,
И накладывает кнегина да на правую руку.
Й-отсадилась кнегина от й-Олешеньки,
От Олешки отсадилась от Поповича;
Еше пала Настасья-королевисьна
Калики да во резвы ноги,
Ну сама из рецей да выговариват:
«Да во первой-то вины да миня Бог простит,
А во другой-то вины да ише ты прости,
Да прости-тко меня, нонече помилуй-ко!»
Ише тут же калика берёт да за правую руку
Да становит-де Настасью да на резвы-то ноги —
Проздравлять стал Олешеньку со свадьбукой,
И кланецсе Олешеньки Поповичу,
Да и сам из речей да выговариват:
«Ты здорово женился, Олешенька, —

Да тебе не с ким спать!»

(Зап. А. Д. Григорьевым 21 июля 1901 г.: д. Дорогая Гора Дорогорской вол. — от Рассолова Ивана Ивановича (из д. Печище).)

Архангельские былины и исторические песни, собранные А. Д. Григорьевым в 1899—1901 гг. Т. 3: Мезень. СПб., 1910.